

Шингарев Андрей Иванович

Как это было

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А65

А65 **Андрей Иванович Ш.**
Как это было / Шингарев Андрей Иванович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 78 с.

ISBN 978-5-521-31187-3

ISBN 978-5-521-31187-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Комитетъ по увѣковѣченію памяти *Θ. Θ. Кошкина* и *А. И. Шинярева* счелъ своимъ долгомъ въ первую очередь придать гласности дневникъ *Андрея Ивановича Шинярева*, написанный имъ во время пребыванія его въ *Трубецкомъ бастионѣ Петропавловской крѣпости*. Дневникъ этотъ обрывается 5-го января, а 6-го *Андрей Ивановичъ* былъ переведенъ въ *Маріинскую больницу*, гдѣ въ ночь на 7-е января былъ убитъ ворвавшимися въ больницу *матросами и красногвардейцами*.

Событія, имѣвшія мѣсто послѣ 5-го января, когда прерывается запись *Андрея Ивановича*, изложены сестрой покойнаго *Александрой Ивановной Шиняревой*. Это изложеніе приводится, какъ продолженіе дневника и завершаетъ собой повѣствованіе о томъ, „Какъ это было“.

Записи *Андрея Ивановича* были сдѣланы на блокнотѣ, первая страничка котораго воспроизводится на обложкѣ этого изданія. Текстъ, написанный рукой *Андрея Ивановича*, сохраненъ въ полной неприкосновенности, печатается безъ всякихъ измѣненій и лишь въ нѣсколькихъ мѣстахъ, обозначенныхъ многоточіемъ, опущено нѣсколько словъ имѣющихъ чисто личный характеръ. Въ подстраничныхъ сноскахъ дѣлаются поясненія имѣющихся въ текстѣ сокращеній.

Almurapecy

Какъ это было.

Петропавловская крѣпость, Трубецкой
бастіонъ, камера № 70.

27 ноября.

Утромъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Н. И. Астровымъ изъ Москвы. И дома, въ Воронежѣ, и въ Москвѣ всѣ отсовѣтовали ѣхать въ Петроградъ, такъ какъ большевики, навѣрное, меня арестуютъ. Мнѣ самому казалось, что это должно случиться, но я и въ Ц. К.¹ и всѣмъ остальнымъ говорилъ: „Я долженъ ѣхать. Бываютъ моменты, когда личная безопасность политическаго дѣятеля должна отступить передъ его общественнымъ долгомъ. На 28-ое назначено открытіе Учредительнаго Собранія. Я и другіе, избранные въ члены собранія, должны быть въ назначенное время на мѣстѣ“. — Поѣхалъ и, хотя приходится писать теперь сидя въ казематѣ неизвѣстно за что, все же не раскаиваюсь. Пусть населеніе знаетъ, кто срываетъ Учредительное Собраніе, кто насилуетъ свободу народа. Изъ нашего задержанія должна получиться польза. Когда-нибудь да прояснится народное сознаніе.

Арестъ случился все же при неожиданныхъ обстоятельствахъ. Вечеромъ у С. В. П.² было засѣданіе Ц. К., гдѣ мнѣ за отсутствіемъ всѣхъ другихъ пришлось предсѣдательствовать. Кромѣ моего краткаго сообщенія о поѣздкѣ на выборы въ Воронежъ, обсуждался порядокъ завтрашняго дня и возможность открытія Учредительнаго Собранія. Уже послѣ того, какъ

¹ Цѣнтральный Комитетъ партіи Народной Свободы.

² Гр. С. В. Паниной.

разошлись члены Ц. К., изъ засѣданія Городской Думы пришелъ Оболенскій, сообщивъ о предполагаемой манифестаціи, привѣтствіи Г. Думы и т. д.

Ц. К. рѣшилъ, такъ какъ число съѣхавшихся членовъ такъ мало, что открытіе собранія, какъ Учредительнаго, правомочнаго,—не допустимо. Но недопустимо и подчиненіе указу Ленина. Рѣшено предложить объявить совѣщаніе, избрать временнаго предсѣдателя, собираться каждый день, пока съѣдется достаточно народа и тогда, установивъ кворумъ, самостоятельно открыть Собраніе. Въ манифестаціи участвовать хотѣли всѣ. Обсуждали, кто, гдѣ и когда прочтетъ въ Учредительномъ Собраніи заявленіе Временнаго Правительства, какъ оставшагося на свободѣ такъ и сидящаго въ крѣпости.

Предполагалъ я, что въ Таврической войти не дадутъ и не удастся манифестація, но уже никакъ не думалъ, что самъ я не попаду въ нее и ничего не увижу. Уходить домой было поздно, все равно завтра надо было идти къ Таврическому, да и казалось, что у Паниной безопаснѣе. На домъ могутъ опять придти.

Оказалось какъ разъ наоборотъ. Съ дороги я усталъ, плохо спалъ уже нѣсколько ночей, а потому съ радостью воспользовался любезностью А. М. Петрункевичъ переночевать у С. В. Заснулъ какъ убитый и въ 7½ ч. былъ разбуженъ голосомъ Н. А.¹, которая говорила—„Вставайте, пришли съ обыскомъ“.

28 ноября.

Такъ начался для меня день великаго праздника Русской земли, день созыва Учредительнаго Собранія.

Скоро красногвардеецъ и солдатъ вошли съ ружьями въ комнату, спросили мою фамилію, документы...

А вы кто такіе? И гдѣ ваши документы? въ свою очередь потребовалъ я.

— Мы по ордеру Военно-революціоннаго комитета. Съ

¹ Н. А. Зурова.

нами самъ комиссаръ. Черезъ нѣкоторое время, уже арестовавъ Панину, явился и самъ „комиссаръ“ г. Гордонъ—бритый, съ типично охраннической фізіономіей и съ такой же непринужденностью развязныхъ и слащавыхъ манеръ.

— Будьте добры подождать здѣсь. Я поѣду получить инструкціи относительно васъ.

Онъ пріѣхалъ часа черезъ полтора. Инструкціи были коротки. Предписывалось у меня произвести обыскъ и поступить сообразно съ его результатами. Такъ какъ никакихъ вещей у меня не было, то и обыска не производилось, а за отсутствіемъ какихъ-либо другихъ „результатовъ“ г. Гордонъ объявилъ меня арестованнымъ.

Пришлось подчиниться силѣ, и я отправился. Уже разсвѣло, въ автомобилѣ на улицѣ я нашелъ Ф. Ф. Кокошкина и его жену, которые тоже остановились у С. В. Паниной и, такъ же какъ и я, были обысканы и задержаны безъ какого-либо повода.

По дорогѣ въ Смольный большевистскій жандармъ тономъ заправскаго жандарма цинично и лицемѣрно выражалъ сожалѣніе, что ему приходится прибѣгать къ такимъ мѣрамъ. Подумайте, я арестую своего учителя Федора Федоровича Кокошкина. Какую прекрасную книгу вы написали, — говорилъ онъ съ ужимками и покачиваніемъ головы. — А все потому, что не хотите вы признать власть народныхъ комиссаровъ. Вотъ и г. Шингаревъ не хочетъ съ нами работать по финансамъ. — Гордонъ слащаво улыбался, кривлялся и былъ противенъ до нелзя. Ф. Ф. и особенно Марія Филипповна принялись его стыдить, доказывали, что онъ, какъ и прежніе охранники, служить насилію, что его собственныя дѣти будутъ стыдиться поступковъ отца и пр. Ленинскій охранникъ, съ неизмѣнно слащавой улыбкой возражалъ, что дѣлаетъ это ради блага страны. — А можетъ быть, дѣти и не поймутъ меня. — Подумайте, продолжалъ онъ кривляться, какихъ людей я арестовалъ. — Я молчалъ. Было противно говорить съ такимъ, съ позволенія сказать, гражданиномъ, видимо, находившимъ особое удовольствіе смаковать свою гнусную роль.

Въ Смольномъ мы застали С. В. Панину. Я ей очень обрадовался; такъ какъ раньше думалъ, что уже не увижу ее. Вскорѣ стали къ ней приходять сотрудники „Народнаго Дома“, принесли пироги, сыръ, колбасу. Этими продуктами питались мы весь день. Наши тюремщики и не подумали намъ ничего дать поѣсть.

Цѣлый день заходили къ намъ много посѣтителей, выражая то сочувствіе, то негодованіе новымъ „ленинскимъ“ жандармамъ. Въ 4 часа пришла Саша и Юрій. Такъ какъ мы всѣ были вмѣстѣ, намъ было весело и въ компаніи съ приходящими образовывались даже шумные митинги. Мы довольно неприужденно и громко бесѣдовали, чѣмъ, повидимому, шокировали „дѣловую“ атмосферу большевистской канцеляріи. Мы были приведены въ комнату № 56, гдѣ помѣщалась канцелярія какой-то слѣдственной комиссіи, сюда вводили арестованныхъ, приходили родственники просить пропуска къ заключеннымъ, являлись вызванные для показанія свидѣтели. Въ одномъ углу какой-то „чиновникъ“ подбиралъ взятые, очевидно, при обыскѣ клочки разорваннаго письма, стараясь составить полный текстъ; у окна работалъ на машинкѣ военный писарь, изготовляя ордера о новыхъ арестахъ; у другого столика барышня писала какія-то бумаги.

Точно ради курьеза сюда же привели своеобразную пару арестованныхъ: какую-то женщину бѣженку и солдата съ ведромъ и помазками. Съ ними были взяты „вещественныя доказательства“ преступленія: цѣлый пукъ воззваній Продовольственнаго Отдѣла Управы о насиліяхъ большевиковъ. Женщина горевала, что у нея остался дома одинъ ребенокъ, а солдатъ въ смиренной и грустной позѣ стоялъ, прислонившись къ стѣнкѣ. Ихъ держали до самаго вечера, они устали, были голодны и если бы мы не дали имъ поѣсть, они не ѣли бы цѣлый день.

Когда пришли нѣкоторые с.-р. гласные (изъ нихъ помню одного Луцкаго), я обратилъ ихъ вниманіе на грустную пару „преступниковъ“, расклеивавшихъ „прокламаціи“; наняты они были за 6 руб. въ день,—хотѣли заработать, да вотъ красногвардейцы арестовали—говорила женщина.